

REPRESENTATION OF EPISTEMIC VIRTUES IN MAGAZINE “RASTUSCHIY VINOGRAD” (1785–1787)

Shipitsyna Yulia Sergeevna^{1*}

Laboratory researcher, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: July, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstracts

Research of system of values and historical mobility of contents of ideal categories – epistemic virtues in the start period of disciplinary and institutional modification of scientific knowledge can make more profound our understanding of modern science. The constitution of public schools in Russia in 1782–1786 promoted to spread of scientific knowledge among the broad population of pupils, students and teachers of the new institutions. The making of a magazine for youth “Rastuschiy vinograd” by the teachers of the main public school was one of the demonstrations of the interest to science. The chair editors were Professor E.G. Syreischikov and soon followed by him academic V. Zuev. The article deals with the analysis of epistemic virtues made with the publications of one of the first periodical editions for youth the “Rastuschiy vinograd” as positive personality traits and ideal categories, which promote to effective understanding and proficient increment of scientific knowledge, as also become a didactic example for future generations of scientists. The special attention is paid to biography of Vasilij Zuev, naturalist and editor of the magazine.

Keywords: Epistemic Virtues, Scientific Ethos, Happiness, Vasilij Zuev, “Rastuschiy Vinograd”.

1. Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995> * Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В ЖУРНАЛЕ «РАСТУЩИЙ ВИНОГРАД» (1785–1787)

Шипицына Юлия Сергеевна^{1*}

лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: июль 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

Исследование комплекса ценностных установок и исторической изменчивости содержания идеальных категорий – эпистемических добродетелей в начальный период дисциплинарного и институционального оформления научного знания, способно углубить понимание науки современности. Учреждение народных училищ в России в 1782–1786 гг. способствовало распространению научных знаний в широкой среде учеников, студентов и преподавателей новых учебных заведений. Одним из проявлений интереса к науке и потребности в ее популяризации стало создание по инициативе сотрудников Главного народного училища журнала для юношества «Растущий виноград». Главными редакторами журнала выступили профессор Е.Г. Сырейщиков и сменивший его вскоре академик В.Ф. Зуев. В статье по материалам публикаций в одном из первых российских периодических изданий для юношества «Растущий виноград» представлен анализ эпистемических добродетелей, т. е. таких позитивно окрашенных качеств личности и идеальных категорий, которые способствуют эффективному познанию и качественному приращению научного знания, а также служат дидактическим примером для будущих поколений ученых. Особое внимание уделено биографии Василия Зуева, натуралиста и редактору журнала.

Ключевые слова: Эпистемические Добродетели, Научный Этнос, Счастье, Василий Зуев, «Растущий Виноград».

1. Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995> * Ответственный автор

Введение

Изучение преемственности научной культуры XVIII – XIX вв. и науки современности в контексте трансляции ценностных установок призвано не только развеять миф сциентизма, но и подтолкнуть к переосмыслению статуса «научного эксперта» в дискурсивных практиках различных общественных институтов в условиях «постиистинного понимания науки, согласно которому важнее знать условия, в которых притязание на знание может быть истинным или ложным, чем знать, действительно ли оно истинно или ложно», как отмечал Стив Фуллер (Фуллер 2021). Исследование комплекса ценностных установок и исторической изменчивости содержания идеальных категорий – эпистемических добродетелей в начальный период дисциплинарного и институционального оформления научного знания, способно углубить понимание науки современности. О том какое влияние «научная самость» оказывает на характер научных практик, а в конечном итоге, и на результат деятельности ученых – научные знания, специально писали Стивен Шейпин (Sharin 2008), Питер Галисон и Лоррейн Дастон (Дастон, Галисон 2019).

В российской историографии обращение к истории научного знания и этапов его дисциплинарного оформления в XX в. обнаруживает стремление выстроить преемственность между ранним этапом развития академической научной культуры и советскими реалиями функционирования научных институтов. Принцип «продления» науки эпохи Просвещения, поиска в ней истоков «современной» советской науки вступает в противоречие с принципом историзма, подразумевающим строгое хронологическое отделение и смысловую дистанцию между прошедшим и настоящим. Данное противоречие, тем не менее, на протяжении долгого времени остается незамеченным или проигнорированным, но оттого не утрачивает своего влияния на складывание дискурса советской науки в целом. Для того, чтобы ориентироваться в антиномичном пространстве современной российской

историографии, с одной стороны, унаследовавшем, это стремление к выявлению преемственности, а с другой, зачарованного интенцией кардинальной смены методологической оптики – под влиянием упомянутых ранее и других блестящих зарубежных работ, исследователям предстоит определить глубину этого противоречия и степень его воздействия на нарративные стратегии советских историков науки, посредством не только тщательного историографического «расследования», но и изучения биографий историков, их уровня исследовательской рефлексии при обращении к предмету своего изучения. Среди современных исследователей, искусно лавирующих между «старым» и «новым» методологическими полюсами, стоит отметить, прежде всего, Григория Любарского (Любарский 2020) и Александра Писарева (Писарев 2020).

Целью настоящей работы является реконструкция научного этоса ученого-естествоиспытателя в России в конце XVIII в. через выявление комплекса ключевых эпистемических добродетелей по материалам публикаций в студенческом журнале «Растущий виноград», выпуск которого курировали сначала Евгений Борисович Сырейщиков, а затем Василий Федорович Зуев.

Поиск и выявление эпистемических добродетелей как отвлеченных абстрактных категорий, содержащих в себе идею о желательном поведении субъекта, а также как ценностей, следование которым закладывает определенные принципы его профессиональной – научно-исследовательской деятельности, в период, когда наука переживала период своего становления, представляется нам нелегким, но увлекательным предприятием. Обращение к изданию, которое, сегодня мы отнесли бы к жанру научно-популярной периодики, обусловлено его комплексным характером. Опубликованные в нем тексты – зачастую, переложения, компиляции и переводы серьезных научных трудов, изданные с целью приобщения к достижениям интеллектуальной

культуры молодого поколения, и что, особенно, важно – с целью побуждения к занятиям наукой.

Представление о научном этосе, однако, будет неполным без обращения к биографиям реальных ученых – в том числе, обстоятельствам их частной жизни, внутренней мотивации к исследованиям, чертам характера и склонностям, определявшим их подход к работе. В части биографического компонента главного редактора журнала мы опираемся на предложенный Стивеном Шейпином трехступенчатый подход к пониманию личности ученого: через непосредственное знание о природе, «добытое» субъектом; через метод, которым пользовался субъект; через тщательное исследование, к какому типу людей относится ученый и в каких обстоятельствах он работает (Shapin, 2008).

Основная часть

Сырейщиков, профессор российской словесности Московского университета, а затем преподаватель учительской семинарии и член Комиссии народных училищ, издал первые два выпуска за апрель и май 1785 г., а затем был уволен со всех должностей. Остальные 22 выпуска, выходившие вплоть до марта 1787 г. редактировал В. Ф. Зуев, адъюнкт Петербургской академии наук, натуралист и естествоиспытатель, путешественник, переводчик.

Как отметил, пожалуй, единственный биограф Зуева, историк естествознания и доктор педагогических наук, Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) в заключении монографии, выпущенной к 200-летию натуралиста: «он не сделал каких-либо выдающихся научных открытий, но он внес серьезный вклад в дело научного познания нашей родины со стороны биологической, естественно-географической и отчасти экономической» (Райков 1955b. 322). Книга Райкова вышла в 1955 г. и остается на сегодняшний день самым полным изложением биографии Зуева. Оценка Райкова, данная

деятельности своего героя в монографии и статьях, отвечает традиционному для советской истории науки стремлению проследить преемственность между наукой Просвещения и советской наукой с акцентом на материализм, «передовизм» и героизм русских естествоиспытателей, критикой имперских академических институтов. Однако именно Райкову мы обязаны сегодня возрождением памяти об этом неординарном исследователе, по данным архивных документов установившем авторство «Начертания...». В. Зуев, действительно, не самая приметная фигура отечественной науки. В связи с ученичеством Зуева у П.С. Палласа о нем писал историк науки, доктор биологических наук Андрей Кириллович Сытин (Сытин 2014. 87–93). В части исследования истории методики преподавания естествознания в России – доктор педагогических наук Елена Николаевна Арбузова (Арбузова 2008).

Сын солдата Семеновского полка, происходившего из семьи крестьян Тверской губернии, Василий Зуев 12 лет отроду был принят в академическую гимназию, основанную при Академии наук еще в 1726 г. Четыре года, с 1764 по 1767 гг. провел Зуев в гимназии, и, окончив с наградой, был приставлен в качестве «академического студента» к академику П.С. Палласу. Участие в Больших физических экспедициях 1768–1774 гг. стало реальной школой для юноши. В сравнении с другими студентами – Никитой Соколовым и Степаном Кашкаровым, Зуев показал не только высокие способности к научению в осуществлении натуралистических разысканий, но также выносливость, упорство и живой энтузиазм, коих не хватило его товарищам. Впоследствии Н. Соколов замечал, что Зуев «утратил в Сибири свою юность и здоровье» (Райков 1955а. 315). Экспедиционная деятельность отнимала у исследователей изрядное количество физических и эмоциональных ресурсов и для многих стала причиной в лучшем случае отказа от продолжения академической карьеры, в худшем – продолжительных болезней и ранней смерти. Зуева так же отличали «более светлое восприятие мира» и «способность, как бы

сливаясь с природой, видеть ее свойства как образы и метафоры» (Сытин 2008. 87).

По возвращении из экспедиции Зуев вместе с Н. Соколовым был командирован Академией для совершенствования своих познаний за границу. С 1774 по 1779 гг. он учился сначала в Лейдене, а затем в Страсбурге. В Лейдене его учителями были проф. Гаубе, проф. Алламан, проф. Альбинус. В Страсбурге – проф. Лобштейн, проф. Шпильман, проф. Шурер, проф. Герман. Зуев обучался на медицинских факультетах – именно там преподавались дисциплины по естественной истории. 12 октября 1779 г. Зуев был утвержден в звании адъюнкта и вновь приставлен к Палласу. Начав было приводить в порядок зоологическую коллекцию Кунсткамеры и описывать виды рыб, он вскоре получил задание организовать самостоятельную экспедицию в Херсон «для обозрения недавно присоединенных к империи земель по рекам Бугу и Днепру и составления их описания» (Райков, 1955а, с.245–246). Эта экспедиция продлилась с мая по сентябрь 1782 г, итогом ее стала публикация «Путешественных записок Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781-1782 гг.», передача Академии Наук коллекции насекомых, минералов и окаменелостей, гербария, 25 чучел птиц и 87 банок с рыбами, а также взаимное неудовольствие, воцарившееся между натуралистом и Академией по причине недостатка денежных средств, выделенных на организацию экспедиции и предпринятой без разрешения на то Академии «отлучкой» в Константинополь. С 1783 г. Зуев занят в новой для себя сфере – педагогике.

В связи с необходимостью организации сети общеобразовательных школ, подготовку учителей и разработку методики преподавания дисциплин поручили приглашенному из Австрии школьному инспектору Федору Ивановичу Янковичу де-Мириево (1741–1814), направившему работу Комиссии об учреждении народных училищ, во главе которой формально

стоял П.В. Завадовский, будущий министр народного просвещения. Янкович де-Мириево организовал первую в России учительскую семинарию при учрежденном Главном народном училище в Петербурге, лично подготовил 35 первых учителей, позаботился об издании 25 школьных руководств и инструкций.

В ходе реформы было открыто 133 школы – народных училищ, которые подразделялись на малые и главные. К концу XVIII в., по данным Журнала Комиссии народных училищ за 1801 г., в России существовало уже 315 училищ, в которых трудились 750 учителей, учились 19915 студентов, как мальчиков, так и девочек (Райков 1955а. 211). В. Зуеву было предложено преподавать в Главном народном училище в Петербурге, читать лекции в Учительской семинарии и написать учебник по естественной истории. С июля 1785 г. он становится еще и главным редактором студенческого журнала «Растущий виноград», основанного в апреле того же года. На посту редактора Зуев оставался до момента его закрытия в 1787 г. (недолгая жизнь периодических изданий в России в это время типична), в должности профессора Учительской семинарии – до 1 марта 1789 г., когда прежний преподавательский состав был распущен и заменен бывшими студентами в целях экономии средств.

Таким образом, семь лет активной исследовательской жизни Зуева было отдано делу преподавания. В 1787 г. он был произведен в академики, но с начала 90-х гг. выступал с докладами и публиковался все меньше, а в 1792 г., едва достигнув 40 лет, скончался.

Итак, Зуев был назначен редактором журнала 15 июля 1785 г. В этой должности ему пришлось столкнуться с проблемой несвоевременной подготовкой тиража в типографии Федора Брейкопфа. Скучно обстояли дела и с подпиской на журнал – она казалась слишком высокой (4 рубля в год за 12 экземпляров), и читателя предпочитали покупать отдельные выпуски (45

копеек за 1 экземпляр) в лавке Книжной комиссии и у частных книгопродавцов. Первоначальный тираж в 500 экземпляров быстро сократили до 250. Однако главные преобразования, которые предстояло осуществить новому редактору, касались содержательной стороны журнала: заслугой Зуева стало существенное приращение материалов по естественным наукам, географии, математике и астрономии, привлечение к работе над текстами студентов и, что интересует нас особенно, публикация текстов, побуждающих к занятию науками. Два из них опубликованы анонимно, и в настоящее время выяснить их авторство не представляется возможным. Авторы двух «речей» и «рассуждения» использовали две основных стратегии аргументации: апелляция к пользе, которую приносят знания, и – счастью, которое обретает знающий, или познающий. Акцент на пользе коррелируется с утилитарной этикой, а вот обращение к «щастливому состоянию» ученого человека выглядит на фоне первой стратегии весьма оригинально.

В «Речи о пользе математики», опубликованной в июньском выпуске 1785 г., сказано: «Науки подали надежное средство усовершенствовать человеческий разум, направлять волю ко благу и умерять человеческия страсти. Рукою наук утверждаются вещи естественные и гражданские законы» (Речь о пользе математики 1785. 17). Мы видим, что автор не ограничивается замечанием об усовершенствовании разума посредством упражнения в науках – но распространяет преобразующее начало познания и на область иррационального: эмоции и чувства. Этот фрагмент недвусмысленно говорит о том, что не только способность к рассуждению и овладение методами научного познания руководит поведением человека, «науки» формируют и этический кодекс – направляя «волю к благу», и законодательный корпус – утверждая «гражданские законы».

Это торжественное утверждение о возможностях наук требует, однако, аргументации, которая в данном случае складывается из двух основных

тезисов. Сначала автор подкрепляет духовную ценность занятия науками отсылкой к наглядной практической пользе. Этот наивный, на первый взгляд, ход на самом деле заключает в себе отождествление духовных ценностей с материальными: «Действием их [наук] разверзлись недра земные, из коих истекают золото, серебро и другие столь полезные металлы» (Там же).

Обратившись к земным недрам, автор по контрасту переключает внимание читателя на небеса и сферу космоса. Достижения науки кроме пользы обустройства земной жизни, еще и приближают человека к Богу: «Но что всего чуднее, науки вознесли человека к непостижным для чувств телам небесным, открыли их бесчисленное множество. Научили измерять и определять точно безмерныя их отдаления, ужасную величину, быстротекущее движение, всегдашнюю перемену их положения и чрез то, с священнейшим благоговением и с убедительнейшим удостоверением признавать, чествовать и любить премудрого и всесильного Творца видимаго сего мира» (Там же. 18). Эпитеты, которыми автор характеризует параметры нового знания: бесчисленное, безмерныя, ужасная, выдают его изумление перед масштабом познаний его ученых современников. Если «открытие» земных недр предстает как закономерный и естественный для автора «эффект» познания, ценность которого он хорошо понимает, то достижения астрономии остаются для него пока непонятными, почти чудесными и другого объяснения им кроме как чествования божественной воли, устроившей окружающий мир столь удивительным образом, он не находит.

В завершении автор вновь подчеркивает комплексный – всеобъемлющий характер благ, которые сулит познание: «Словом, науки, по восстановлении своем, озарив пресветлыми лучами человеческой разум, соделали нерушимое состав гражданских обществ и отверзли членам его врата в прекрасный и великолепный храм благополучия» (Там же). Здесь мы также видим смешение,

переплетение духовного и материального. Что именно понимается под «храмом благополучия»? Создается впечатление, что материальный достаток и стабильный гражданский порядок земной жизни.

Второй любопытный текст – «Разсуждение о том, что упражняться в науках есть дело самое полезное», был опубликован в августе 1785 г. У нас нет убедительных свидетельств в пользу того, что он написан тем же автором, кроме указания на общность темы и некоторое сходство аргументации. Этот текст детализирует соображения о преимуществах, открывающихся перед сведущим в науках человеком и полнее раскрывает этический и эмоциональный портрет ученого.

Во-первых, это человек, осознающий свой долг гражданина и принадлежность обществу: «...всякий гражданин любящий свое отечество тогда приводит душевные свои способности в большее совершенство, когда посвящает себя заблаговременно в цветущих своих летах полезным наукам» (Разсуждение о том, что упражняться... 1785. 49).

Во-вторых, это человек, преодолевающий искушения, сопровождающие его на протяжении всей жизни, но при этом не отшельник и не аскет, отринувший земные блага. Можно сказать, это человек, познавший искусство умеренности, мудрец, балансирующий между бренностью и вечностью, честный и добродетельный: «... не всяк ли скажет, что свет учения разгоняет тьму грубого невежества, и озаряет наши совершенства ясными лучами истинны, истребляет предубеждения и укрощает развратные страсти, наставляет нас к благополучию, мудрости, добродетели, честности и благоразумию? Словом, науки открывают нам путь к совершенному блаженству, как временному, так и вечному; они ограждают безопасность общую, и показывают нам суд и правду; они хранят наше здравие, и доставляют все потребности, способности и выгоды в жизни, просвещая наш разум и делая совершеннейшими (Там же. 50).

В-третьих, это человек, говоря современным языком, осознанный, имеющий понятие о самом себе. «...если бы не было наук, он [человек] не только все вещи оставил бы без надлежащего исследования, и не стал бы испытывать оных причины, бытия, порядка, красоты и употребления; но еще не мог бы, и по малой мере весьма слабое мог бы иметь понятие о самом себе» (Там же. 52). Что именно следует знать о самом себе автор не раскрывает, но это замечание явным образом говорит о ценности самопознания, индивидуальной рефлексии, путь к которой также открывает занятие науками. В заключительном предложении проводится та же мысль – любовь к самому себе стоит на первом месте в списке позитивных эффектов познания: «... подлинно стократно блаженны те люди, которые неусыпно пекутся о напоении себя оными [науками] для сохранения любви к себе, к отечеству и позным потомкам» (Там же. 59).

В третьем тексте, на который мы хотим обратить внимание читателя, прямо говорится о том, что ученый человек – это счастливый человек. «Речь о счастливом состоянии ученого человека» была опубликована в мае 1786 г. и представляет собой своеобразный заключительный аккорд в характеристике достоинств обращения к наукам – яркое, подробное описание счастливого ученого обрамлено негативными характеристиками противоположных типов людей – утопающих в роскоши богачей и властолюбцев. Автор этого текста известен, это студент училища Тимофей Федорович Осиповский (1766–1832), будущий прославленный математик и философ, ректор Императорского Харьковского университета.

«Так подлинно слушатели! Я держусь сего мнения, что человек посвятивший всю свою жизнь наукам, человек довольно просвещенный, и одним словом, разумный человек, неоспоримо есть благополучен и жребием своим по самой справедливости и беспрекословно доволен» - начинает свою речь автор и далее приводит «доказательства, или побудительные причины,

которые принудили меня утвердиться в сем мнении» (Осиповский 1786. 20–21).

Жизнь ученого человека автор называет «щастливой жизнью, которою и мы можем наслаждаться, и которой все без изъятия как величайшаго и верховнаго блага желают и с неусыпным старанием ищут» (Там же. 21). Как он понимает счастье? «...истинное смертных блаженство заключается по большей части в спокойствии духа и удовольствии сердца» – такая трактовка представляется автору общепризнанной и не вызывающей возражений. Различные мнения касаются лишь способов достижения данного «щастливого состояния» (Там же).

Самый популярный путь к счастью, и неверный, по мысли автора, лежит через преумножение достатка. Однако всеобщему мнению, что «деньгам все подвластно» автор противопоставляет замечания о том, что «богатство несносные влечет за собой труды, беспокойства и досады, невзирая при этом на то, что как похищено, так и другими случаями утрачено быть может, и что зависит оно воли слепого щастия» (Там же. 22). Под слепым щастием понимается, вероятно, случай, удача. Но даже не в непостоянстве последнего дело – а в постоянном неудовлетворении – «желание преумножить оное никогда не прекращается», сетует автор, и, следовательно, человек «никогда не может иметь спокойствия» (Там же).

Второй путь к счастью – обретение власти. «Иные напротив горя любочестием надеются достичь прямого щастия тогда только, когда взойдут на высокую степень какого-нибудь достоинства, или получают верховную власть и могущество» (Растущий виноград 1785в. 22-23). Риски, связанные с этой стратегией, кажутся автору очевидными и описаны весьма эмоционально в виде риторических вопрошаний: «Но великий Боже! Что может быть неосновательнее и непостояннее, как благоприятство и любовь народа, или благоволение великих людей и милость верховных начальников?» (Осиповский 1786. 23).

Третий путь к счастью – стремление к роскоши, своеобразный «вещный» путь. «Не кажется ли для вас довольными и по всему благополучными по крайней мере те люди, которые утопают в роскошах, украшают себя золотом и драгоценными камнями, намазывают тело себе разными благовониями и ароматами, и таким образом препровождают всю жизнь свою во сне, забавах, праздности и покое? Ошибаются по истинне и весьма погрешают все те, кто таковых людей щастливыми нарицают: ибо многократно чувствуют они тяжесть от таковыя жизни, и самая праздность делается им часто несносным бременем» (Осиповский 1786. 23–24).

Далее автор неоднократно повторяет, что только «мудрый человек презирая все напасти и превратности судьбы всегда пребывает спокоен, весел и всем доволен» (Растущий виноград 1785в. 20–21). Аргументация его сводится к двум тезисам: во-первых, искушенный размышлениями ум преодолевает искушения тела и обуздывает эмоции (Осиповский 1786. 25), во-вторых, приоткрывая тайны природы, сведущий в науках не просто приближается к богу, по чьему замыслу эти тайны и устроены, но и уподобляется. Со ссылкой на Аристотеля, Осиповский пишет: «Всякия душевные болезни удобно излечает приятнейшими своими размышлениями о науках; и по сей причине Аристотель людей, посвятивших себя учению, справедливо уподобляет бессмертным богам, по тому что как те вечным и николиже прменяемым наслаждаются покоем и веселием, так равномерно просвещенная и разумная душа неописанная находит приятности и спокойствие занимаясь достохвальными упражнениями в изящных науках» (Там же. 31).

Не лишен портрет ученого и негативных черт, от коих надлежит избавляться. Ревность, гордость и зависть, вызывающие «непримиримые раздоры и разногласия», «обладают сердцами ученых», с горечью замечает

автор (Растущий виноград 1785в. С. 32). Важно отметить, что Осиповский проводит различие между ученым и мудрецом и только второго называет истинно счастливым человеком, познавшим спокойствие и «внутреннюю тишину», удовольствие и радость познания (Осиповский 1786. 34–35).

«Науки никогда не причиняют скуки» и «нет блаженнее жизни, чем жизнь ученого человека», заключает автор (Там же. 39–40).

Заключение

Итак, мы видим, что во всех трех текстах счастье выступает эпистемической добродетелью, неким внутренним условием истинного познания и одновременно очень личным «делом» познающего субъекта. Каким образом науки делают человека счастливым и как его счастье преобразует знание? На эти вопросы авторы отвечают по-разному. Здесь встречаются и рассуждения об усвоении гражданского самосознания посредством приобщения к знанию, и о воспитании воли, способной преодолеть многочисленные искушения. Общей идеей оказывается мысль об обретении мудрости, которая выражается в обретении покоя и радости. Человек, сведущий в науках, предстает в этих текстах трудящимся на благо общей пользы и славящим Господа, смиряющим свои страсти и изошряющим ум постижением тайн, сокрытых в природе, но при этом проливающих свет на устройство общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что редактор журнала В. Зуев, опубликовавший все три текста, разделял взгляды авторов исследованных нами текстов. Однако ощущал ли он себя счастливым человеком? Была ли жизнь его наполнена спокойствием и внутренней тишиной? В это поверить сложнее. Неоднократные эпизоды столкновений естествоиспытателя с богатым опытом экспедиционной и преподавательской деятельности с

представителями «кабинетной» академии и бюрократии, а также другие тяготы, сопровождавшие его в течение жизни и описанные нами в статье, свидетельствуют о глубоком непонимании власть имущих реальных потребностей, огромных возможностей и истинной ценности познаний, опыта и в целом жизни ученого и расхождении идеального представления о «щастливом состоянии» ученого и его реального мироощущения.

Литература

- 1- Арбузова Е.Н. (2008). *Генезис и развитие учебных изданий по методике преподавания биологии (конец XVIII – начало XXI века)*. Москва : Издательство ОмГПУ. 214 с.
- 2- Дастон Д., Галисон П. (2019). *Объективность*. Москва : Новое литературное обозрение. 584 с.
- 3- Любарский Г. Я. (2020). *Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни* // Логос. Т.30. №1. С.131–158.
- 4- Райков Б.Е. (1955). *Академик Василий Зуев (1752–1794)* // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4. М. : Издательство Академии наук СССР. С. 244–289.
- 5- Райков Б.Е. (1955). *Академик Василий Зуев, его жизнь и труды*. Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР. 350 с.
- 6- *Речь о пользе математики (1785)*. // Растущий виноград. Июнь. С. 16–39.
- 7- *Разсуждение о том, что упражняться в науках есть дело самое полезное (1785)*. // Растущий виноград. Август. 1785. С.48–59.
- 8- Осиповский П. (1786). *Речь о щастливом состоянии ученого человека* // Растущий виноград. Май. С.19–41.
- 9- Писарев А.А. (2020). *Образность таксидермии в музее науки: от систематики видов к систематичности насилия и постгуманистической природе* // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). Вып. 2 (24). С. 91–130.
- 10- Сытин А. К. (2014). *Ботаник Петр Симон Паллас*. Москва, Товарищество научных изданий КМК. 456 с.
- 11- Shapin S. (2008). *The Scientific life: a moral history of a late modern vocation*. Chicago and London : University of Chicago Press. 468 p.

Bibliography

- 1- Arbuzova E.N. (2008). *Genezis i razvitie uchebnyh izdanij po metodike prepodavanija biologii (konec XVIII – nachalo XXI veka)*. Moskva : Izdatel'stvo OmGPU. 214 s.
- 2- Daston D., Galison P. (2019). *Ob#ektivnost'*. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie. 584 s.
- 3- Ljubarskij G. Ja. (2020). *Rozhdenie novogo estestvoznaniya s tochki zrenija nauk o zhizni* // Logos. T.30. №1. S.131–158.
- 4- Rajkov B.E. (1955). *Akademik Vasilij Zuev (1752–1794)* // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tehniki. T. 4. M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. S. 244–289.
- 5- Rajkov B.E. (1955). *Akademik Vasilij Zuev, ego zhizn' i trudy*. Moskva, Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 350 c.
- 6- Rech' o pol'ze matematiki (1785). // Rastushhij vinograd. Ijun'. S. 16–39.
- 7- *Razsuzhdenie o tom, chto uprazhnjat'sja v naukah est' delo samoe poleznoe (1785)*. // Rastushhij vinograd. Avgust. 1785. S.48–59.
- 8- Osipovskij P. (1786). *Rech' o shhastlivom sostojanii uchenogo cheloveka* // Rastushhij vinograd. Maj. S.19–41.
- 9- Pisarev A.A. (2020). *Obraznost' taksidermii v muzee nauki: ot sistematiki vidov k sistemachnosti nasilija i postgumanisticheskoy prirode* // ИИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ИИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). Vyp. 2 (24). S. 91–130.
- 10- Sytin A. K. (2014). *Botanik Petr Simon Pallas*. Moskva : Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK. 456 s.
- 11- Shapin S. (2008). *The Scientific life: a moral history of a late modern vocation*. Chicago and London : University of Chicago Press. 468 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shipitsyna Yulia Sergeevna (2023). REPRESENTATION OF EPISTEMIC VIRTUES IN MAGAZINE “RASTUSCHIY VINOGRAD” (1785–1787). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 203-220.

DOI: 10.52547/iarll.22.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/296>

بازنمایی فضائل معرفتی در نشریه «انگور روینده» (۱۷۸۵-۱۷۸۷)

یولیا سرگئی یونا شپیتسینا^{*۱}

پژوهشگر، دانشگاه فدرال ب.ن. پلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

بررسی مجموعه ارزش‌ها و تغییرپذیری تاریخی محتوای مقوله‌های ایده‌آل - فضائل معرفتی در دوره شکل‌گیری علمی و نهادی دانش علمی می‌تواند به شناخت بیشتر از علوم معاصر کمک کند. تأسیس مدارس ملی در روسیه در سال‌های ۱۷۸۶-۱۷۸۲ به توسعه دانش علمی در بین مجموعه گسترده شاگردان، دانشجویان و استادان مراکز آموزشی کمک می‌کرد. یکی از نمودهای افزایش علاقه به علوم و نیاز به عمومی‌سازی آن، تأسیس نشریه «انگور روینده» با ایده همکاران مدرسه ملی پایه بود. ویراستار اصلی این نشریه پروفیسور ی. گ. سیریشیکوف بود که خیلی زود آکادمیک و.ف. زویف جایگزین وی شد. در این مقاله با بررسی یکی از نخستین آثار چاپ شده در شماره‌های نشریه جوانان «انگور روینده» به تحلیل فضائل معرفتی پرداخته شده است؛ یعنی ویژگی‌های شخصی مثبت و مقوله‌های ایده‌آلی که به شناخت کارآمد و توسعه کیفی دانش علمی کمک می‌کنند و نمونه آموزشی برای نسل‌های آینده دانشمندان هستند. در مقاله توجه ویژه‌ای به زندگینامه واسیلی زویف، طبیعت‌شناس و ویراستار نشریه شده است.

واژگان کلیدی: فضائل معرفتی، شخصیت علمی، خوشبختی، واسیلی زویف، «انگور روینده».

* نویسنده مسئول Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

* این مقاله با پشتیبانی مالی بنیاد علمی روسیه نگاشته شده است. طرح ۲۲-۱۸-۰۰۴۸۸ «بحران ارزش‌ها و استراتژی‌های غلبه: ایده «خیر عمومی» در گفتمان ذهنی بریتانیا و روسیه (۱۷۵۰-۱۶۵۰)».